

IV.9. Проблема источников и ссылок

Трудно со Сталиным полемизировать: ты ему — сноску, а он тебе — ссылку...

К. Б. Радек

Мужики глупые, которые старины держатся, отнюдь ничего не ведая и брадобритие, парики, платье немецкое и проч. в погибель людей крайнюю ставя, думают и утверждают на том, что сии мнимые им ереси все происходят от тех, которые библию читают; а если спросишь его: что — библия, то он, никогда истины ея не ведаючи, скажет, что сказывано ему, будто какие тетрадки, от жидов написанные. Не раз автор сердцем сокрушался, на толь безумные, но у них твердые суеверия смотря.

А. Д. Кантемир. Сатира IX, изъяснение, к ст. 21

Мы уже не раз отмечали компилятивный характер сочинения Розенберга, плагиат в отношении идей, отсутствие важных ссылок. Замечали, что «во всей расологической литературе <...> плагиат и компиляция — основные методы» (Колчинский 2007: 158). Даже при использовании древних источников — «Авесты», «Махабхараты» — читателя отсылают лишь к книге в целом, а не к конкретной странице или номеру стиха. Впечатление таково, что «партийный философ» вообще не знал, для чего в серьёзной книге нужен ссылочный аппарат. Недоучка, он «провозгласил себя экспертом по большевизму, однако не прочёл ни строчки из Маркса и Энгельса, не изучал историю или теорию социализма, ничего не знал об истории русского революционного движения <...>. Большая часть фактов, несомненно, поставлялась ему Винбергом и другими правыми русскими эмигрантами <...> огромные куски его “великого труда” — не поддающегося прочтению “Мифа двадцатого столетия” — прямо заимствованы из сочинений Винберга» (Кон 1990: 166—167). Однако во всей книге и это имя ни разу не упоминается.

Этого нельзя сказать о Л. Н. Гумилёве. Однако из книги в книгу у него переходят теоретические обоснования принципа: в источниках есть не всё, поэтому их можно и нужно домысливать. Ссылается он при этом на факт, известный ещё с конца XIX века: все письменные источники создаются с какой-то конкретной целью, как правило, не сводящейся к информированию потомков. Поэтому мы всегда должны делать поправку на цели автора. Например, летопись — не беспристрастный объективный отчёт для будущих поколений, а документ политической публицистики своего времени. Служебный отчёт тоже составляется не столько ради чистой истины, сколько в служебных интересах самого составителя. Великий Марк Блок, восстановивший авторитет истории как науки, иронически замечал, что сам он во время военной службы писал такие отчёты и никому не рекомендует их в качестве исторического источника. Материальные же источники сами по себе немы, их толкование мы вынуждены привносить от себя. Отсюда вывод:

«Итак, археология (т. е. наука о памятниках) и история материальной и духовной культуры создают заведомо неполное, а тем самым искажённое представление о прошлом человечества. Необходимое уточнение можно получить, обратившись к этнологии, где процессы этногенеза рассматриваются как статистические, являющиеся функцией затухающей пассионарности, понимаемой как локальная флуктуация биосферы. И даже если это не случайное возмущение, а феномен, имеющий каузальную основу, то дело не меняется: процесс возникает и затухает» (Гумилёв 1992: 400).

Но ведь сам Л. Н. Гумилёв не представил «процессы этногенеза <...> как статистические»: для этого у него не было ни математического аппарата, ни массива данных, к которым такой аппарат применим! «На деле ничего этого в книге нет. Нет ни одной статистической таблицы, не говоря уж о корреляционных или регрессионных. Ни одного графика распределений, нет частотного анализа, нет и соответствующих вычислений. Настоящих сравнительных таблиц тоже нет» (Клейн 1992: 231). В таких условиях альтернативой текстологическому анализу оказывается домысливание или дополнение текстов собственными соображениями на основании того, что тексты-де неполны. Это куда радикальнее, чем у сановного противника Л. Н. Гумилёва — академика Б. А. Рыбакова, который всего лишь «неоднократно говорит о том, что он своих аргументов не приводит» (Пропп 1962: 91).

Перефразируя известные слова Тертуллиана, можно сказать: *Nihil est insubjectivum nisi quod non est* — «нет ничего несубъективного, кроме того, что не существует»⁸⁶. Это могло бы быть девизом постмодернизма, но в подобном случае даже постмодерн лучше. Ведь отказ от опоры на источники ведёт к безграничному произволу. Не кто иной, как Гиммлер, в своё время заявлял, что, поскольку «Германия» Тацита — тенденциозный документ, и «наше знакомство с германской историей много лет было основано на фальшивке, мы вправе делать то же самое в любое время» (Arnold 2002: 408).

Дело не в особенностях научно-популярного жанра, допускающего пропуск ссылок — поскольку читатель, на которого рассчитана популярная книжка, не привык к ссылочному аппарату и пугается его вида. Ведь ни Розенберг, ни Гумилёв не претендовали на скромную роль популяризаторов науки, и там, где они считаются нужным, ссылки появляются. Но заявленная свобода ссылок (приводить или не приводить, из первых или десятых рук, точно или в виде авторского взгляда) облегчает применение софизма — *ошибки многих вопросов*. Классический её случай — вопрос Карла II Королевскому обществу: «Почему мёртвая рыба не увеличивает вес сосуда с водой, а живая — увеличивает?». На самом деле это не один вопрос, а два: во-первых — так ли это, и лишь во-вторых — если это так, то почему.

Более памятный случай — вопрос мартовского референдума 1991 г.: считаете ли вы нужным сохранить СССР «как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности»? Причём на все эти вложенные друг в друга вопросы надо было ответить только общим «да» или общим «нет». А что значит «нет», голос ли это против единства СССР, или против суверенитета республик, или против прав человека — оставалось неясным. Вопрос хорошо сработал как *пропагандистский приём* — собрал 76% голосов «да». Но *истину* о настроениях граждан он не выявил: через полгода против Беловежского соглашения не выступило ни 76, ни даже 6%.

Ограничимся одним случаем. По словам Л. Н. Гумилёва (1997: 553), «амазонская или юкатанская сельва, заросшие сорняками, выросшими на переотложенных почвах, полях древних индейцев», — это не природный лес, а результат неумелой хозяйственной деятельности: «Там всегда находят фрагменты каменных орудий или керамики — следы обитания древнего человека. По сути дела, это даже не пустыни,

⁸⁶ Оригинал этой фразы: *Nihil est incorporale nisi quod non est* — «нет ничего бестелесного, кроме несуществующего».

а бэдленды — принимаю английское слово, так как в русском языке эквивалентного слова нет. И таковы же отвалы горных выработок, бетонированные площадки, пирамиды. Человек создает необратимую деструкцию ландшафта; и это то же самое, что вандализм в отношении памятников искусства». В этом рассуждении скрыт второй вопрос: правда ли, что таково происхождение амазонской сельвы? В *«Географии этноса...»* (1990: 192) эта мысль выражена резко: «Там ужасно плохо: жара с влажностью, змеи, пауки-птицееды, от укуса которых можно спастись, если только сразу руку отрезать, настолько они ядовиты, — ведь это тоже результат человеческой деятельности, только более древней. Вся эта страшная сельва выросла на переотложенных почвах, после того, как индейцы, впервые пришедшие сюда, очевидно, с североамериканского континента (разумеется, «очевидно»: разве есть другие мнения? — Л. М.), её заселили, разоряя самым варварским способом...» Но откуда эти сведения? Кто их установил? Откуда известно, что древние леса бассейна Амазонки были другими? И где же были «зелёные лёгкие планеты», когда по берегам Амазонки тянулись индейские поля (этот район, как известно, — главный источник кислорода для всей Земли, гибель сельвы привела бы к всепланетному удушью)? Но в обеих книгах нет ни ответа, ни самого вопроса, ни ссылки. Случайно? По недостатку времени? Или такая манера постановки вопросов соответствует задачам автора?

Что касается ссылок, то Л. Н. Гумилёв специально замечает: «Я старался так же не перегружать книгу отсылочными сносками, поскольку монография — не статья. Тезисы любой монографии должны опираться уже не на первичный материал непроверенных источников, а на верифицированные выводы своих и чужих работ» (Гумилёв 1990: 7). А как же насчёт возможности проверить, кем, как и (главное) для решения какой научной задачи они верифицированы? Ведь, допустим, *«Государство»* Платона можно исследовать как источник по истории древней Греции — и тогда будут верифицированы одни выводы; или как источник по истории утопизма — другие; или по истории греческого литературного языка — третьи. Ведь цель имеет не только источник, но и сам исследователь! Кроме того, отказ читателю в возможности проверить ссылку равносителен требованию слепой веры в авторитет — если не автора лично, то науки вообще (или того, что он под наукой понимает). Но такое требование неуместно — после всех тех проблем с научной методологией, с которыми сам же Гумилёв только что познакомил читателя.

О. Шпенглер специально обосновывал своё право пренебречь точным цитированием: «Для серьёзных читателей, стремящихся к открытому взгляду на мир, а не к дефиниции, я привёл в примечаниях, ввиду слишком концентрированной формы текста, некоторое количество трудов, которые могли бы ориентировать этот взгляд над отдалёнными сферами нашего знания» (Шпенглер 1993: 125). Это очень напоминает выпад Л. Н. Гумилёва в адрес «привередливого рецензента». Комментарий К. А. Свасьяна к этим словам: «Надо полагать, кроме этой причины была ещё и субъективная. Узвзлённый слишком частыми обвинениями в дилетантизме, Шпенглер просто оскалился в переработанном издании “научным аппаратом”» (: 636, примеч. 2). Правда, непонятна ирония К. А. Свасьяна: сам-то он аккуратно приводит научный аппарат — безо всяких кавычек и курсива. Почему же Шпенглер, претендовавший на создание «морфологии мировой истории», должен стоять выше этого требования?

А. Дж. Тойнби нигде не ставит вопрос так принципиально. Тем не менее самые доступные его издания (и русские, и англоязычные) сокращены — как раз за счёт ссылочного аппарата.

Для В. Н. Дёмина, как мы уже видели, источником может служить всё, вплоть до собственных пальцев. Но отсюда вытекает и крайне произвольное обращение с источниками. Это не только избавляет автора от корректных ссылок, но и низводит всё его источниковедение до парада произвольно выбранных иллюстраций.

Так, в одном случае автор прибегает к авторитету Библии: «О былом единстве языков однозначно говорится уже в Библии, аккумулировавшей в себе древнее знание Востока, Запада, Севера и Юга: “На всей земле был один язык и одно наречие” (Бытие II, 1). В дословном научном переводе это звучит еще более точно: “И были на всей земле язык один и слова одни и те же”. И это не наивная легенда, а непреложный факт» (Дёмин 1997: 29). В другом — та же Библия подлежит пересмотру: «Как известно, в Библии ничего не говорится о четвертом сыне Ноя, поименованном Мунтом (в некоторых списках апокрифа он назван внуком). Но так как первоисточники библейских текстов давно утрачены, а сами они неоднократно переделывались, — вполне вероятно, что истинный автор Сказания о Мунте, которое впоследствии Мефодий Патарский включил в свое Откровение, опирался на недошедший до нас первоисточник» (Дёмин 1997: 52). Для сравнения: если Сирано де Бержерак в своих *«Государствах и империях Луны»* уверял, что Бог покарал змея-соблазителя, упрятав его внутрь Адама и Евы и превратив в кишечник, — может быть, и он «опирался на недошедший до нас первоисточник»? При этом В. Н. Дёмин (1997: 80) «смело» предлагает: «почему бы не посмотреть на сам библейский текст как на историческое свидетельство». А разве раньше никто из учёных этого не делал?

Другой образец вольного — а точнее, недопустимо произвольного — обращения с источником опять касается многострадального *«Слова о полку Игореве»*. Ссылаясь на перевод В. Молоканова (Молодая гвардия, 1995, № 1), в котором «първыхъ времянь усобицѣ» переданы как «древних племен тотемы», автор оговаривается: «Прав или не прав переводчик, по-новому объясняя значение древнерусских слов и восстанавливая якобы имеющиеся пропуски, — это лишь одна сторона медали. Другая же такова: скрытый смысл или подтекст угаданы правильно» (Дёмин 1997: 141; выделено мной — Л. М.). Дело в том, что такой перевод удачно укладывается в его концепцию исконного тотемического мышления. Однако вспомним текст оригинала и сопоставим его с переводом:

Помнили ибо народы
древних племен тотемы.
Пускали тогда соколов
десять на стадо лебедей, —
кто догонял (свою лебедь,
тот и женился на ней),
да прежде того песню пел...

(цит. по: Дёмин 1997: 141—142)

Помняшьть бо, рече,
първыхъ времянь усобицѣ.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стало лебедѣй:
которыи дотечаше,

та преди пѣснь пояше –
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ плѣки касожьскими,
красному Романови Святъславичю.

(Слово... 1970: 50).

Вопрос: где здесь пропущенные места? При чём тут брачные песни? Упомянутся «особи» — или всё же князья времён усобиц? Мог бы объяснить автор, презирующий «микроэтимологию», что за форма — «которые»: *которую* (в классическом переводе Д. С. Лихачёва) или *который* (у Молоканова)?

Мы уже упоминали, что во «*Взгляде на русскую историю...*» Н. С. Трубецкой упоминает ничтожно мало имён. Но то же относится и к другим его историческим трудам. В 736-страничном издании (Трубецкой 2007) нет ни одной ссылки на литературу, кроме специально филологических работ: первая ссылка появляется на стр. 685. В «*Европе и человечестве*» упомянуто всего два имени: Г. де Тарда (ссылки не на конкретные его труды, а лишь на общий дух его работ) и Петра I. В статье «*О расизме*» есть общие рассуждения о характере евреев и русской эмиграции — но они не подкреплены ни одним фактом, ни одним примером (ср.: Жаботинский 1992: 88). И это при том, что многие идеи, высказанные в статье, для эмигрантов не могли быть приятными — стало быть, вполне возможно, что пришлось бы объясняться. Предельно абстрактный уровень рассуждений Н. С. Трубецкого порой просто поражает.

Это не случайность, а система. Метод вчувствования в переживания «многочеловеческой личности» — то, что Л. Н. Гумилёв позже назовёт «априорным знанием о сути этноса», — делает ненужной опору на «скучные» факты. Да и сам он писал: «Что же касается до читателей — научных специалистов, то они нового фактического материала в этих статьях не найдут, зато найдут новые точки зрения и новые постановки вопросов» (Трубецкой 2007 {1927}: 161).

С таких же позиций Н. С. Трубецкой (2007 б {1927}: 498—522) рассмотрел и украинский вопрос. Из общего духа культуры — так, как он его понимал, — он сделал очень смелые выводы: о том, что в предпетровскую и особенно петровскую эпоху произошла «украинизация» великорусской культуры, что теперь она — наследница не Москвы, а Киева, что культуры украинцев (включая белорусов) и великороссов могут далее существовать лишь как «индивидуации общерусской культуры» (то есть общей для восточных славян), и т. п. Многие замечания Н. С. Трубецкого о возможных последствиях «ложного национализма» на Украине сегодня кажутся горьким прозрением будущего. Но его глобальные выводы, его размахистость в сложном и болезненном вопросе не могла не встретить отпора, несмотря даже на то, что сдержанный и тактичный тон его статьи выгодно выделялся на общем фоне.

Возражая на эту статью, профессор Д. И. Дорошенко (2007 {1928}: 524) писал: «Надо заметить, что вообще изложение у кн. Трубецкого несколько догматическое, сжатое; может быть, введение фактических примеров нарушило бы его, так сказать, конденсированность. Но мы думаем, что всё-таки надо обратить больше внимания на фактическую сторону дела, ибо, по нашему мнению, факты не всегда говорят в пользу положений и выводов уважаемого автора». В ответной статье Н. С. Тру-

бецкой (2007 б {1927}: 546—563), часто ссылаясь на то, что он был неверно понят, всё же фактически вынужден был признать справедливость большинства упреков Д. И. Дорошенко в том, что касалось подробностей проблемы.

Впрочем, быть может, его подвёл не столько даже общий культуралистский подход, сколько прыжок в чуждую ему научную сферу. Ведь кн. Трубецкой — прежде всего филолог (и в своей сфере — даже классик). А в филологии другие принципы ссылок: факты языка считаются общеизвестными. Чтобы сообщить, что латинское слово *res* — V склонения, не требуется указывать, у какого античного автора или в каком современном словаре мы прочитали об этом впервые. Больше того, такое указание может вызвать даже насмешку: неужели автор только вчера об этом узнал? Ссылка нужна лишь там, где приводимая форма встречается лишь в одном тексте или у одного автора: например, «‘вода’ по-испански — *la agua* (женский род), но в стихах Ф. Гарсиа Лорки — обычно *el agua* (мужской род)». Или там, где нас интересует не сам языковой факт, а его интерпретация другими лингвистами.

Не эту ли традицию, оправданную в филологии, Н. С. Трубецкой перенёс в историю, где она более чем неуместна? Вообще, именно в исторических науках, вынужденных добывать объективную истину из заведомо ненадёжных источников, несвободных от предвзятости, где факты всегда смешаны с интерпретациями (если же этот источник — археологический, то все, кроме автора раскопок и тех немногих, кто мог работать с его находкой в музее, вынуждены ссылаться на него тоже только по тексту публикации), так важно указать, из какого именно текста и контекста взято чуть ли не каждое слово. Поэтому правильное цитирование играет здесь такую большую роль, как, пожалуй, ни в одной другой науке.

IV.9.1. Почему «Ура Линда»? Почему не «Сильмариллион»?

Против шутки никто не стал бы возражать, но есть серьёзное возражение против теории, и заключается оно в том, что теория неверна.

С. Н. Паркинсон

Мы уже помним, что Вирт требовал отказаться и от христианства, и от Эдды (и, разумеется, от научной истории) ради «Хроники Ура Линда» — семейной хроники, якобы сохранившей информацию о седой древности, несмотря на то, что рукопись, которую он держал в руках, переписана не ранее 1850 года и несла явные следы подделки. В ответ он ссылался на то, что рукопись многослойная и что её древнейший слой верен.

Прокомментируем эту ситуацию на примере. Дж. Р. Р. Толкиен, как известно, писал «Сильмариллион» с 1910-х годов до конца жизни, не предназначая для печати. «Хоббит» же, принесший ему писательскую славу, и вовсе был сказкой, которую он рассказывал своим детям, сочиняя на ходу, а потом перепечатал (в единственном экземпляре и без окончания) чисто по профессорской привычке. В издательство этот текст попал лишь благодаря активности журналистки, сумевшей выпросить у профессора распечатку, о которой слышала от своей подруги-студентки (Муравьёв 1988: 22), — то есть по чистой случайности. Восторг читателей, требовавших продолжения, стал поводом к написанию «Властелина Колец». А «Сильмариллион» был опубликован уже посмертно — в 1977 г., как материалы к изучению творчества прославленного писателя, в помощь литературоведам; «Книга Утраченных Сказа-